

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ Д. ТРАМПА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ¹

© 2020 г. В. Б. Супян

Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

E-mail: vsupyan@yahoo.com

Поступила в редакцию 26.06.2020 г.

После доработки 29.07.2020 г.

Принята к публикации 20.08.2020 г.

В статье анализируются основные направления и предварительные результаты политики президента Д. Трампа во внешнеэкономической сфере. Показаны причины и главные цели проводимых радикальных реформ во внешнеэкономических связях США. Особое место во внешнеэкономической политике США занимает Китай. Анализируется суть претензий США по отношению к Китаю, даётся оценка экономическим отношениям между этими двумя странами. Автор статьи приходит к выводу, что современной внешнеэкономической стратегии США присущи серьёзные противоречия. Многие решения в этой области уже обернулись существенными потерями для американских компаний и потребителей. Отмечается, что в своей стратегии администрация Д. Трампа стремится достичь не только краткосрочных целей (например, сократить дефицит внешнеторгового баланса), но и долгосрочных – усилить экономическую, научно-техническую безопасность США на фоне обостряющейся международной конкуренции.

Ключевые слова: внешнеэкономическая стратегия Д. Трампа, внешнеэкономические реформы, внешняя торговля, дефицит торгового баланса, торговля США с Китаем, интеллектуальная собственность, валютный курс, платёжный баланс.

DOI: 10.31857/S0869587320110080

Среди экономических реформ администрации Д. Трампа едва ли не ключевым направлением является их внешнеэкономическая составляющая. Она достаточно многогранна – здесь и главное предвыборное обещание Д. Трампа вернуть рабочие места на территорию США, и пересмотр двусторонних торговых соглашений, и новый подход

к многостороннему торгово-экономическому сотрудничеству, и стремление добиться улучшения торгового баланса США, имеющего гигантский дефицит на протяжении многих десятилетий, и пересмотр внешней инвестиционной политики. Безусловно, во внешнеэкономической стратегии немалое значение отводится целям защиты интеллектуальной собственности. Косвенно, но также важную роль во внешнеэкономических реформах играет миграционная проблема, хотя она, несомненно, имеет прежде всего внутривнутриполитическое значение.

Три года пребывания Д. Трампа на посту президента позволяют сделать некоторые предварительные оценки его внешнеэкономической политики.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ЦЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Официально внешнеэкономическая стратегия администрации Д. Трампа зиждется на пяти основополагающих принципах. Как отмечается в

СУПЯН Виктор Борисович – член-корреспондент РАН, руководитель научного направления ИСК РАН.

годовом докладе Торгового представителя США за 2018 г., эти принципы состоят в следующем: обеспечение национальной безопасности страны, укрепление американской экономики, достижение более выгодных для США торговых соглашений, продвижение положений американского торгового законодательства и реформирование многосторонней торговой системы [1].

Следует подчеркнуть, что эти декларируемые администрацией принципы, безусловно, требуют конкретизации, поскольку не дают ясного и чёткого понимания, какие именно цели американское правительство преследует в сфере международной торговли и других областях межгосударственного экономического взаимодействия.

Конкретизируем эти цели, исходя из официальной позиции США. В соответствии с заявленной стратегией внешнеэкономическая и прежде всего торговая политика должна преследовать глобальные национальные интересы и поэтому должна соответствовать стратегии национальной безопасности. В достижении этой задачи администрация исходит из того, что торговые соглашения не должны усиливать конкурентов и ослаблять американские позиции.

Следующая ключевая задача – перезаключить устаревшие, по мнению администрации, и не соответствующие интересам США торговые соглашения. Наиболее важным в этом плане считались торговое соглашение между США, Канадой и Мексикой (прежде – NAFTA, в новой редакции USMCA, а также соглашение о свободной торговле между США и Южной Кореей (KORUS)).

Ещё одна важнейшая цель внешнеторговой реформы – активное продвижение принципов американского торгового права в отношениях с партнёрами США. Отмечается, что США не намерены более терпеть использование другими странами несправедливых, по их мнению, торговых практик и намерены добиваться применения в международной торговле национального американского законодательства. Образцом такого законодательства считается Закон о торговле от 1974 г. Согласно ст. 301 этого закона, президент США имеет право принимать ответные меры против стран, нарушающих справедливые правила торговли или дискриминирующие США в торговых отношениях, в том числе вводить торговые квоты, пошлины и накладывать санкции. Другим инструментом борьбы за “справедливую торговлю” служит ст. 232 Закона о расширении торговли от 1962 г., где говорится о возможном влиянии импорта на национальную безопасность. Оба эти положения законодательства уже были применены администрацией Д. Трампа как основание для повышения тарифов на сталь и алюминий и повышение тарифов на импортные товары из Китая на сумму в 250 млрд долл. Адми-

нистрация Д. Трампа также более активно, чем его предшественники, использует антидемпинговые инструменты для ограничения импорта своих конкурентов.

Важная роль во внешнеторговой стратегии США отводится отстаиванию американских интересов во Всемирной торговой организации (ВТО). Администрация Трампа выступает с острой критикой ВТО, отмечая, что организация больше не в состоянии осуществлять регулируемую роль в мировой торговле и противостоять существующим вызовам. В частности, критикуется практика разрешения торговых споров, когда ВТО выходит за пределы своего мандата. Д. Трамп неоднократно обвинял ВТО в низкой эффективности, требуя кардинальных реформ в механизмах принятия решений.

Согласно принятой стратегии, начиная с 2018 г., США начали применять ограничительные меры во внешней торговле, руководствуясь соображениями национальной безопасности и в целях защиты отечественных производителей. Так, в октябре и ноябре 2017 г. Комиссия по международной торговле США пришла к выводу, что импорт в США солнечных батарей и стиральных машин наносит ущерб производству аналогичных товаров в США и поэтому соответствующие отрасли американской промышленности нуждаются в протекционистских мерах для защиты внутреннего производства и рынка. Ранее, в 2017 г., представители обеих отраслей обратились в правительство с запросом о проведении соответствующего расследования в рамках ст. 201 Закона о торговле от 1974 г. Надо заметить, что это было первое расследование подобного рода с 2001 г. В результате президент Д. Трамп одобрил введение пошлин на импорт солнечных батарей на сумму 8.5 млрд долл. и пошлин на импорт стиральных машин на сумму 1.8 млрд долл.

В качестве ответной меры правительство Китая ввело антидемпинговые и компенсационные пошлины на импорт из США зерна сорго на сумму 1 млрд долл. (это 178.6% его стоимости). Южная Корея в ответ на действия США обратилась в ВТО, полагая, что США, вводя ввозные пошлины, нарушают правила международной организации.

Второй крупной протекционистской мерой по защите национальных производителей стало инициирование президентом Трампом в апреле 2017 г. расследование в отношении импорта в США стали и алюминия из-за рубежа, как угрозы национальной безопасности, согласно ст. 232 Закона США о расширении торговли от 1962 г. Результатом этого расследования стало объявление президентом Д. Трампом предстоящего повышения ввозных пошлин на сталь (на 25%) и алюминий (на 10%) в связи с якобы угрозой националь-

ной безопасности. В дальнейшем, в марте 2018 г. это повышение должно было коснуться импорта этих товаров на сумму 48 млрд долл., преимущественно из Канады, Европейского Союза, Мексики и Южной Кореи. Поставки из КНР составили лишь 6% от общей стоимости импортируемых объёмов стали и алюминия [2].

В июне 2018 г. США отменили временное освобождение от повышенных таможенных пошлин в отношении Европейского Союза, Канады и Мексики. Ответные меры ЕС не заставили себя ждать — Европа ввела дополнительные пошлины на американские товары на сумму в 3.2 млрд долл. Сюда входят промышленные и сельскохозяйственные товары, в том числе моторные лодки, яхты, мотоциклы, джинсы, виски, ореховое масло и т.д. Канада в свою очередь ввела пошлины на товары стоимостью в 12.8 млрд долл. При этом американское правительство объявило о намерении субсидировать своих фермеров в размере 12 млрд долл. от возможных потерь в результате введения новых импортных тарифов.

В качестве мер по борьбе с несправедливой торговой практикой в сфере технологий и по защите интеллектуальной собственности — третья направленная стратегия — в США были предприняты расследования в отношении Китая в соответствии со ст. 301 Закона о торговле от 1974 г. По оценке Торгового представителя США Р. Лайтхайзера, потери США от неправомерных торговых практик составляют ежегодно 225–600 млрд долл. В марте 2018 г. администрацией США был обнародован обвиняющий КНР в такого рода практиках доклад, в котором анонсировались соответствующие меры по преодолению таких явлений. Речь шла о более чем 1.3 тыс. наименований товаров из Китая на сумму в 50 млрд долл., на которые могла быть введена дополнительная пошлина в 25%. Список включал товары различных отраслей машиностроения. Китай в качестве ответной меры опубликовал список из 106 товаров, на которые будет введена 25%-я пошлина. В него входили в основном транспортные средства (самолёты, суда, автомобили) и сельскохозяйственные товары.

В последующие месяцы стороны обменивались уточненными списками товаров, подлежащих повышенным тарифам, пока в июле 2018 г. США не ввели в действие новые пошлины на товары, стоимостью в 34 млрд долл. Китай немедленно ответил аналогичной мерой.

Взаимное повышение пошлин принимало характер настоящей торговой войны. В июле 2018 г. Торговый представитель США Р. Лайтхайзер обнародовал предстоящее 10%-е повышение пошлин на импорт из Китая на сумму в 200 млрд долл., куда входили разнообразные товары, включая компьютеры, мобильные телефоны и одежда.

В августе США стали угрожать уже 25%-м повышением пошлин на все эти товары.

Четвёртым направлением новой внешнеэкономической стратегии президента Д. Трампа стало стремление ввести ограничительные импортные пошлины на автомобили и комплектующие к ним в размере 25% на общую сумму импорта в 208 млрд долл. Пока решения по этому вопросу отложены. Их введение, как считают многие эксперты, может вызвать крайне серьёзные ответные меры со стороны прежде всего союзников США — ЕС, Японии и других стран. Как заявил Торговый представитель США, согласно существующему плану действий администрации в этой области, администрация должна провести переговоры с заинтересованными странами и прийти к соглашению в области торговли продукцией автомобильной промышленности до 13 ноября 2019 г. Но и в 2020 г. решение данного вопроса не найдено.

В качестве пятой серьёзной внешнеэкономической инициативы президент Д. Трамп в мае 2019 г. обнародовал намерение ввести 5%-ю пошлину на весь мексиканский импорт в США с тем, чтобы иметь финансовые возможности противостоять нелегальной иммиграции из этой страны. Поскольку в июне 2019 г. была достигнута договорённость с Мексикой о мерах по ограничению нелегальной иммиграции в США, введение этой пошлины, намечавшееся на 10 июня 2019 г., приостановлено.

Следует отметить, что в американском обществе существует весьма противоречивая и во многом негативная реакция на политику администрации в сфере международной торговли. Так, согласно опросу, проведённому в 2019 г. социологической службой Гэллапа относительно первого раунда тарифной войны между США и Китаем в 2018 г., американцев, которые полагают, что увеличение торговых пошлин принесёт вред экономике США в 2 раза больше, чем тех, кто считает это полезным для экономики решением. Около 45% респондентов полагают, что долговременный эффект от этих мер будет негативным по сравнению с 31% тех, кто ожидает от возросших тарифов позитивных результатов [3].

Крайне негативно к тарифной политике Д. Трампа относятся деловые круги страны, особенно в аграрном секторе. Именно сельское хозяйство США уже понесло ощутимые потери от ответных мер Китая по повышению торговых пошлин на сельскохозяйственную продукцию США.

Как полагают многие эксперты, в принципе не вполне ясно, какие цели преследует администрация США, реализуя свою внешнеэкономическую стратегию. Профессор Дартмутского колледжа Д. Ирвин ставит вопрос о том, каковы цели Д. Трампа в торговой войне с Китаем — является

ли война торговых пошлин попыткой принудить Китай изменить свою внешнеторговую практику или это инструмент наказания путём разрушения экономического сотрудничества? [4].

Во внешнеэкономической политике США отношения с Китаем занимают особое место [5]. Прежде всего, Китай – это крупнейший торговый партнёр США. После присоединения КНР к ВТО в 2001 г. объём американо-китайской торговли возрос с 125 млрд долл. до более 700 млрд долл. в 2018 г. ВВП Китая за этот период увеличился в 4 раза и стал занимать вторую позицию в мировой таблице о рангах. Но взгляд на Китай за эти годы в США сильно эволюционировал – от восприятия его как выгодного для США партнёра до представления его как главного конкурента и непосредственной угрозы национальным интересам Америки.

Однако было бы неверно и сейчас оценивать Китай только с отрицательной стороны, как это прослеживается в позиции нынешней американской администрации. В двусторонних экономических отношениях для США безусловно прослеживаются как выгоды, так и издержки. Например, между 1995 г. и 2001 г. американский экспорт в Китай способствовал созданию в США 1.8 млн рабочих мест, в основном в сфере услуг, в сельском хозяйстве и производстве оборудования. От взаимной торговли выиграли и американские потребители. Только за период 2000–2007 гг. импорт дешёвых потребительских товаров из Китая составил 202 млрд долл., что привело, в конечном счёте, к выигрышу в сумме 101.2 тыс. долл. за каждое потерянное рабочее место в обрабатывающей промышленности.

Действительно, потери рабочих мест в обрабатывающей промышленности США были ощутимы. С 1999 г. по 2011 г. они составили 560 тыс., а с учётом смежных отраслей они ещё выше – 2 млн рабочих мест. Однако если учесть структуру импортируемых из Китая в США товаров по добавленной стоимости, эти оценки явно преувеличены. Например, в каждом айфоне, импортированном из Китая в США, доля стоимости, созданной собственно в Китае, составляет лишь 3.6%. Остальное создано в США в виде программного продукта. В Китае же осуществляется лишь конечная сборка телефонов.

Если учитывать такого рода расчёты, то весь импорт США из Китая надо уменьшать примерно на 32%. Можно утверждать, что первоначальный негативный эффект взаимодействия с Китаем в плане влияния на рабочие места в стране уже закончился, и современный этап экономических отношений перемещается в область высокотехнологичной конкуренции. Заметим, что с 2010 г. в США не наблюдается массовый перевод рабочих мест за рубеж – напротив, за последние 8 лет в об-

рабатывающей промышленности было создано 1.2 млн новых рабочих мест.

Как уже отмечалось, один из центральных вопросов экономических взаимоотношений США с Китаем для американской администрации – вопрос о дефиците торгового баланса. Действительно, дефицит торгового баланса США с Китаем вырос с 81 млрд долл. в 2001 г. до 336 млрд в 2017 г., что составляет 60% дефицита совокупного американского торгового баланса [6].

Однако, как полагают многие эксперты, торговый дефицит США с Китаем надо рассматривать в контексте причин общего торгового дефицита, который является не столько результатом ограничений для американского экспорта, сколько отражением низкой нормы сбережений в США. Это в свою очередь требует притока иностранного капитала для финансирования внутренних потребностей в инвестициях и финансирования государственного долга. Попытки уменьшить дефицит без рассмотрения проблемы разрыва между сбережениями и инвестициями вряд ли приведут к изменению торгового баланса.

Собственно, факты говорят о том, что взгляд на торговый дефицит как источник однозначных потерь для экономики, не соответствует действительности. Все двухтысячные годы в периоды устойчивого роста и растущей занятости в США наблюдался рост дефицита торгового баланса. При этом дефицит сокращался в периоды спадов и растущей безработицы.

Говоря о торговом балансе США с Китаем, важно отметить еще одно обстоятельство, которое формальной статистикой практически не берётся в расчёт. Так, если учесть деятельность аффилированных американских и китайских компаний на рынках друг друга, можно увидеть гораздо более сбалансированную картину двусторонних экономических отношений между странами. В этом случае, если принять во внимание американские инвестиции и продажи американских товаров через аффилированные компании, роль США в экономике Китая выглядит гораздо более масштабной, чем об этом свидетельствует официальная статистика. Напротив, китайский бизнес на рынке США представлен преимущественно в виде прямого экспорта из Китая. Если учесть вышесказанное, то получится, вопреки официальной таможенной статистике, что США продают в Китай больше, чем покупают в Китае.

Так, согласно расчётам, сделанным экспертами Брукингского института и Американского института предпринимательства, общий объём продаж американских компаний в Китай, включая прямой экспорт (228 млрд долл.) и продажи аффилированных американских компаний в Китае (574 млрд долл.) составлял в 2016 г. 802 млрд долл. Объём же продаж Китая в США, включая прямой

экспорт (523 млрд долл.) и продажи аффилированных китайских компаний в США (45 млрд долл.) – 568 млрд долл. Из сравнения экспорта двух стран при таком подходе следует, что как раз США имели положительное сальдо торгового баланса с КНР. Разница в том, что 92% китайского экспорта приходилось на прямые поставки из Китая в США, а для США – 71% экспорта приходился на продажи в Китай через аффилированные компании. Таким образом, вопрос о торговом балансе приобретает новое измерение [6].

О возможных целях развязанной торговой войны с Китаем надо сказать особо. Официальный список претензий к Китаю выглядит следующим образом.

1. Китай должен прекратить требовать от американских компаний, работающих в стране, передавать им свои технологии. То есть приток американских инвестиций не должен быть обусловлен передачей Китаю американских технологий. Кроме того, не должно быть ограничения условий лицензирования американскими компаниями своих технологий в Китае.

2. Необходимо прекратить практику, когда американские компании, торгующие с Китаем, должны регистрировать свой бизнес в КНР как совместные предприятия.

3. Китай должен прекратить промышленный шпионаж против американских компаний, прекратить несанкционированные киберпроникновения в американские компании для получения информации о новых технологиях.

4. Китайское правительство должно прекратить субсидировать национальные китайские компании, работающие в высокотехнологичных секторах экономики, поскольку это даёт им неоправданные преимущества перед иностранными партнерами.

5. Китаю необходимо сократить барьеры для американского сельскохозяйственного экспорта.

6. Необходимо стремиться сократить большой торговый дефицит США в двусторонней торговле.

7. Правительство Китая должно прекратить манипулирование курсом национальной валюты – юаня, что даёт Китаю преимущество во внешней торговле.

Разумеется, США безусловно заинтересованы в выполнении Китаем всех своих требований. На практике сделать это достаточно сложно, тем более что многие из них противоречат друг другу. Так, если Китай, например, пойдёт навстречу требованию США прекратить обязательную передачу технологий, создавать совместные предприятия, ограничить заимствования интеллектуальной собственности, это будет стимулировать аутсорсинг из США в ещё больших масштабах, что противоречит призыву Д. Трампа вернуть ра-

бочие места на родину. Цель Д. Трампа уменьшить торговый дефицит с Китаем путём увеличения американского экспорта предполагает усиление взаимодействия с КНР и таким образом противоречит другой стратегической задаче – ограничить научно-технический прогресс Китая.

Вероятно, Д. Трамп сознательно выдвигает к Китаю завышенные требования, следуя своей излюбленной тактике – сначала завышать ставки, затем, судя по обстоятельствам, немного уступить и в конечном счёте остаться в выигрыше. Разумеется, американский лидер мыслит не только экономическими и стратегическими категориями, идя на торгово-политическую конфронтацию с Китаем. Его задачи, конечно же, и тактические – продемонстрировать достижение каких-либо конкретных результатов в преддверии будущих президентских выборов. Прошедшие в июле 2019 г. торговые переговоры между США и Китаем вновь не привели к договоренностям и были отложены до октября. Хорошее состояние экономики США в 2019 г. оставляло американской администрации время для манёвра. Снижение Китаем в августе 2019 г. курса юаня по отношению к доллару вновь обострило ситуацию в торговых отношениях двух стран и привело к обвинениям со стороны США в валютном манипулировании.

Лишь в январе 2020 г. странам удалось заключить предварительное торговое соглашение, по которому США не будут вводить планировавшиеся новые торговые пошлины на сумму 6156 млрд долл. и вдвое снизят ранее введённые 15%-е пошлины на сумму в 120 млрд долл. В свою очередь Китай обещает увеличить импорт товаров из США на 200 млрд долл., усилить контроль в сфере интеллектуальной собственности и не девальвировать юань. Для Д. Трампа это соглашение даже в нынешнем, ограниченном варианте, имеет большое значение в преддверии президентских выборов 2020 г. [7].

Помимо масштабного антикитайского направления не понятны и цели повышения тарифов на сталь и алюминий, равно как и предполагаемый рост пошлин на поставки в США автомобилей и комплектующих из стран ЕС и Японии. Неслучайно американские автомобилестроители выступают против такого странного протекционизма – ведь они получают собранные автомобили и их комплектующие со своих зарубежных предприятий. Кроме того, очевидно, что повышение пошлин на автомобили непосредственно повлияет на розничные цены.

Не ясны намерения Д. Трампа и в отношении ВТО. С одной стороны, администрация США активно использует эту организацию как средство для разрешения торговых споров, в том числе с Китаем, с другой – Вашингтон резко критикует решения ВТО, не поддерживающие во всех слу-

чаях США, и заблокировал решение о назначении новых юристов в апелляционную палату организации.

Ещё один вопрос, где позиция Д. Трампа весьма противоречива — вопрос о торговом дефиците. По мнению Трампа, торговый дефицит отражает степень зависимости США от других стран. Очевидно, что с макроэкономической точки зрения этого далеко не всегда верно. Огромный импорт дешёвых товаров в США из других стран, прежде всего развивающихся, создавал немалые преимущества для США, позволяя использовать международное разделение труда в своих интересах, сдерживать инфляцию. Обычно протекционистские меры вводятся с целью поддержки отечественных отраслей в трудные для экономики времена, в условиях, когда её конкурентоспособность низка. Вводя протекционистские меры в весьма благоприятной для экономики США ситуации, администрация США лишь создаёт сложности для отечественных производителей, затрудняя их взаимодействие с зарубежными партнёрами, повышая издержки производства и вызывая рост розничных цен.

РЕЗУЛЬТАТЫ, ОЦЕНКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Чем же объяснить противоречивость реализации внешнеэкономической стратегии американской администрации, да собственно и целей этой стратегии? Ведь они не только приносят неоднозначный результат, но и во многом противоречат всей предыдущей внешнеэкономической политике США на протяжении многих десятилетий. Как свидетельствуют факты, либерализация торговли и мировой экономики в целом приносила США немало выгод.

Для миллионов американских домохозяйств снижение торговых барьеров означало снижение розничных цен, повышение разнообразия и качества товаров и услуг. Свободная конкуренция в сфере международной торговли насытила американский рынок доступными потребительскими товарами, бытовой электроникой, разного рода домашними приборами и мебелью, качественной едой. Для американских граждан потребительское изобилие по низким ценам обернулось более высокими реальными доходами.

Немало выгод получили и производители, в том числе, импортёры. Примерно половина годового объёма американского импорта предназначена не для конечного потребления, а для последующего производства в качестве сырья и оборудования. Таким образом, американские производители весьма зависят от импортных поставок из-за рубежа для поддержания своих конкурентных позиций. Свободная торговля открывает широкие возможности и для американских

экспортёров. Так, если американский экспорт в другие страны в 2017 г. составил 2.4 трлн долл., то поставки американских компаний за рубеж через их аффилированные структуры в других странах составили 6 трлн долл. [8].

Вопреки утверждениям Д. Трампа и сторонников протекционизма, свободная торговля вовсе не означает во всех случаях потерю рабочих мест. При рекордном импорте и дефиците торгового баланса экономика США в 2018 г. имела самый низкий уровень безработицы за минувшие 50 лет (по крайней мере, по официальным данным) и значительный прирост рабочих мест в стране.

Конечно, большое число американских компаний перевело за минувшие 30–40 лет свои производства за рубеж, что повлияло негативно на занятость во многих традиционных отраслях экономики США. С 1998 г. США потеряли 5 млн рабочих мест в обрабатывающей промышленности и смежных отраслях, в основном из-за перевода предприятий за рубеж и растущего импорта и дефицита торгового баланса, прежде всего с Китаем.

Но это — не результат либерализации внешнеэкономических связей как таковой. Это — отражение нового международного разделения труда, при котором развитые страны, и в первую очередь США, концентрируют у себя наукоёмкие сектора экономики (как материального производства, так и сферы услуг), базируясь на возможностях своего научно-технического потенциала. В результате в страны, не имеющие таких возможностей, перемещаются традиционные, трудоёмкие отрасли экономики. Таким образом, с точки зрения перспектив научно-технического и экономического развития, для США этот процесс скорее преимущество, чем недостаток, о чём неустанно говорит Д. Трамп.

Несмотря на, казалось бы, очевидные преимущества от либерализации торговли и других форм мирохозяйственных связей, администрация Д. Трампа заявляет о значительном ущербе, наносимом современной экономической глобализацией американской экономике. Особой критике подвергаются три области внешнеэкономических связей — постоянный дефицит внешней торговли, импорт стали и отношения с Китаем, о чём подробно говорилось выше.

Что касается торгового дефицита, то он, по мнению Трампа, означает деньги, украденные у американцев. На самом деле торговый дефицит — это не результат торговой политики. По сути он отражает соотношение сбережений и инвестиций в экономике. США сберегают меньше, чем инвестируют, что означает нетто-приток иностранного капитала, выражающийся в конечном счёте в дефиците текущего платёжного баланса. Как уже отмечалось выше, существует мнение, что в ши-

роком смысле торговый баланс США вполне сбалансирован, если в него включить не только торговлю товарами и услугами, но и потоки капитала, направленные на инвестиции США за рубежом и иностранные прямые и портфельные инвестиции в США [8].

Большое влияние на растущий торговый дефицит США имеет переоценённый курс доллара (на 25–30%, как считают эксперты), что удорожает американский экспорт. С другой стороны, Китай, например, только в 2018 г. сократил курс юаня на 10%, что делает экспорт из страны более выгодным. Как результат растущей стоимости доллара (вследствие притока иностранного капитала в США растёт спрос на доллар, что приводит к росту его стоимости – на 20% с 2013 г. и на 5.4% – в 2018 г.) и увеличивающегося импорта, растёт дефицит платёжного и торгового баланса. По оценке экспертов Международного валютного фонда, дефицит в торговле товарами в США может увеличиться в 2020 г. на 400 млрд долл. и достигнет, как минимум, 1.2 трлн долл. Это может привести к потере 2.5–7.5 млн рабочих мест (по разным сценариям), прежде всего в обрабатывающей промышленности.

Дело в том, что в рамках платёжного баланса, учитывающего движение не только товаров, но и капиталов, а также доходы владельцев капитала и работающих за рубежом, эти потоки отчасти компенсируют собственно отрицательный баланс в торговле товарами (превышение импорта над экспортом). Помимо положительного сальдо в динамике капиталов, США имеют положительный баланс в торговле услугами, что также снижает общее отрицательное сальдо как торгового, так и платёжного баланса.

Ещё один фактор серьёзно меняющий структуру торгового баланса США – заметное уменьшение в структуре дефицита товарной торговли удельного веса нефти и нефтепродуктов. В 2008 г., например, эта величина достигала 2.8% ВВП, а к 2018 г. ситуация кардинально изменилась. Достигнув в значительной степени самообеспеченности топливом, США сократили дефицит в торговле нефтью и нефтепродуктами до 0.3% ВВП. В то же время основное бремя дефицита приходится на прочие, кроме нефтепродуктов, товары, то есть продукцию обрабатывающей промышленности. Дефицит этими товарами в 2018 г. был равен более 730 млрд долл., что составляет 3.8% ВВП [9]. Именно поэтому растущий торговый дефицит может оказать столь неблагоприятное влияние на занятость в обрабатывающей промышленности.

Как полагают многие эксперты, проблему растущего торгового дефицита в США можно было бы существенно смягчить, если предпринять усилия по снижению курса доллара. Так,

например, было сделано в 80-е годы XX в., когда правительство США договорилось с ведущими экономическими партнёрами – Великобританией, Германией, Францией и Японией о девальвации доллара на 30%. В результате дефицит торгового баланса США упал с максимальной отметки в 152 млрд долл. в 1987 г. до 31 млрд долл. в 1991 г. [9].

Оценивая стратегию Трампа в сфере внешнеэкономических связей, можно прийти к следующим выводам. В 2018 г. торговый дефицит США возрос на 12.5% и достиг максимума за десятилетний период – 621 млрд долл., из которых 419 млрд долл. пришлось на торговый дефицит с КНР [10]. При этом дефицит в торговле товарами составил 891 млрд долл. Уже одно это вряд ли свидетельствует о позитивных результатах торговой стратегии Д. Трампа.

Ограничения, наложенные на китайскую компанию “Хуавэй”, серьёзно осложнили отношения США с Китаем в сфере высоких технологий. В краткосрочном плане это, несомненно, наносит удар по технологическому развитию Китая, однако в долгосрочном – скорее укрепит позиции научно-технического комплекса КНР и заставляет Китай в большей степени полагаться на собственные силы.

С точки зрения внутривалютных и внутриэкономических последствий, внешнеэкономическая стратегия США, по оценкам, уже приносит потери для американских потребителей в размере 1.4 млрд долл. в месяц, что может весьма негативно сказаться на позиции Д. Трампа на предстоящих выборах 2020 г. Одновременно многие в США весьма негативно оценивают уже имеющиеся договорённости США с Китаем по проблемам киберпреступности, кражи интеллектуальной собственности, манипулирования валютным курсом, полагая, что Китай продолжает прежнюю линию в этих вопросах. Таким образом, по выходящая пошлины на китайские товары, что негативно влияет на внутренний рынок США, инфляцию и корпоративные доходы, стратегия Д. Трампа фактически не достигает поставленных целей.

Однако в стратегии Д. Трампа не следует видеть лишь краткосрочные цели. Своими действиями Д. Трамп пытается усилить экономическую, научно-техническую, да и политическую безопасность США на фоне обостряющейся международной конкуренции. Немалую роль в его стратегии сыграли обострившиеся противоречия экономической глобализации, то есть того самого экономического либерального порядка, в создание которого сами США вложили столь большие усилия после Второй мировой войны.

Пока в новой внешнеэкономической стратегии Д. Трампа можно видеть как достаточно

скромные успехи, так и немало противоречий и неудач. Среди, казалось бы, побед – переформатирование NAFTA в USMCA. Хотя изменения в договоре носят минимальный характер, США добились определённых уступок со стороны Канады и Мексики. Тем не менее соглашение всё ещё не ратифицировано Конгрессом.

США добились, чтобы и Южная Корея, и Европейский союз согласились на переговоры о новом соглашении о торговле. Страны Европы сделали этот шаг даже до снятия пошлин на сталь и алюминий, но отказались от переговоров по сельскому хозяйству.

Япония также уступила требованиям США начать двусторонние торговые переговоры вне связи с Транстихоокеанским партнёрством (ТТП), из которого США вышли. Однако Япония одновременно укрепляет свои отношения с оставшимися странами-членами ТПП.

Ставка Д. Трампа на заключение двусторонних соглашений, безусловно, позволяет США добиваться более выгодных для себя условий во внешнеэкономических связях. Однако ограниченность двусторонних связей тоже очевидна. На примере торговой войны с Китаем, да и с другими странами, видно, что партнёры США активно сопротивляются американскому диктату и обладают немалыми экономическими возможностями для адекватного ответа.

Можно назвать несколько вполне конкретных негативных последствий нынешней внешнеэкономической стратегии Д. Трампа. Помимо возросшего торгового дефицита, который, конечно, имеет долговременные причины, есть отрицательные проявления развязанной Д. Трампом торговой войны и повышения торговых тарифов. По оценке исследования, проведённого в Принстонском и Колумбийском университетах совместно с Федеральным резервным банком Нью-Йорка, только в ноябре 2018 г. новые торговые тарифы уменьшили совокупные доходы населения США на 1.4 млрд долл. За 11 месяцев 2018 г. потери населения в доходах составили 7 млрд долл. [11].

Разумеется, начавшийся в 2020 г. новый экономический кризис в совокупности с коронавирусной пандемией оказывает весьма негативное влияние в том числе и на внешнеэкономические позиции США.

Очень серьёзными негативными последствиями для автомобильной отрасли США грозит заявленное Д. Трампом повышение пошлин на мексиканский экспорт в США (в случае продолжения нелегальной эмиграции в США). Дело в том, что большинство ведущих автопроизводителей мира имеют автомобильные предприятия в Мексике, где осуществляется как конечная сборка автомобилей, так и производство комплектующих.

Это и ведущие американские автопроизводители (“Дженерал Моторс”, “Форд”, “Фиат-Крайслер”), а также крупнейшие производители других стран “Ауди”, “Тойота”, “Ниссан”, “Хонда”, “Мазда”. В целом Мексика экспортирует автомобилей и комплектующих к ним ежегодно на сумму 93 млрд долл.

Если американские автомобильные компании, производящие свою продукцию в Мексике, не переложат увеличение издержек на потребителей – а это имеет свои пределы, то повышение пошлин чревато для них многомиллиардными потерями. Так, по оценке “Дойче Банка”, производственные издержки “Дженерал Моторс” возростут на 6.3 млрд долл., корпорации “Фиат-Крайслер” – на 4.8 млрд долл., корпорации “Форд” – 3.3 млрд долл. Всего для ведущих мировых автопроизводителей повышение пошлин на мексиканские товары будет стоить около 17 млрд долл., что неизбежно окажет понижательное влияние на мировой автомобильный рынок [12].

При этом следует помнить, что рынок автомобилей в США уже несколько “просел” после рекордного производства в 2016 г., когда объём продаж составил 17.55 млн машин. Рекордна по объёму и задолженность американцев по автокредитам, составившая 1.27 трлн долл. в 2018 г.

Существует мнение, что, намереваясь повысить пошлины на товары из Мексики, Д. Трамп имеет в виду прежде всего автомобили, а также автомобильные концерны, которые не прислушались к его призывам переносить производства в США. Так, корпорация “Дженерал Моторс” вопреки пожеланиям Трампа, не отказалась от намерения, объявленного ещё в 2014 г., построить 14 новых предприятий в Мексике, хотя и согласилась поначалу инвестировать 1 млрд долл. в новые автомобильные заводы в США. Однако затем компания отказалась от этой идеи и объявила о массовом закрытии предприятий в стране и увольнении тысяч рабочих. Всё это вызвало крайнее неудовольствие президента Трампа.

Схожая история произошла и с компанией “Форд”, которая ещё в 2016 г. объявила о строительстве предприятия в Мексике для производства автомобилей “Фиеста” и “Фокус”. Кроме того, “Форд” обнародовал планы строительства завода в Мексике по производству двигателей и трансмиссии. Сразу после объявления этих планов Д. Трамп пообещал обложить экспорт компании пошлинами в 35%.

Таким образом, намереваясь повысить пошлины на мексиканские товары в США, Д. Трамп прежде всего пытается наказать “непослушные” автомобильные компании, заботящиеся о своих доходах и конкурентных позициях.

* * *

Как представляется, нынешний период внешнеэкономической стратегии Д. Трампа — это лишь начальный этап обострившейся в мире конкурентной борьбы за рынки и экономические позиции. Порой она принимает формы протекционизма, основанного чуть ли не на меркантилистской теории внешней торговли XIX в., отрицавшей роль импорта в экономическом развитии. Такой упрощённый подход к конкуренции вряд ли имеет перспективу на успех. Поскольку современная мировая экономика не только глобальная, а этот процесс более чем объективен, она всё больше зиждется на цифровых технологиях, которые по определению имеют международный характер.

Как найти оптимальное соотношение между экономической безопасностью и конкурентными позициями страны, её местом и ролью в мировом сообществе и усиливающейся технологической взаимозависимостью и ставшей уже глобальной мировой экономикой — это вопрос, на которой современная внешнеэкономическая стратегия Д. Трампа не даёт ответа.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Economic Report of the President, Washington, 2019.
2. Peterson Institute for International Economics. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date-Guide. Chad Brown and Melina Kolb. 2019. May 30. P. 2–4, 6. <http://piie.com/sites/default/files/documents/trump-trade-war.timeline.pdf>
3. BDI, "America First" — US Trade Policy under President Trump. P. 2. <http://english.bdi.eu/article/news/america-first-u-s-trade-policy-under-president-donald-trump/>
4. Douglas I. Understanding Trump's Trade War // Foreign Policy. 2019. April 12. P. 3. <http://foreignpolicy.com/gt-essay/understanding-trumps-trade-war-china-trans-pacific-nato/>
5. Супян В.Б. Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 9. С. 23–32.
6. Joshua P. Meltzer and Neena Shenai. The US — China economic relations. A comprehensive approach. Brookings Institution, American Enterprise Institute. February 2019. P. 8, 9, 11. <http://www.brookings.edu/research/the-us-china-economic-relationship-a-comprehensive-approach/>
7. Swanson A. China Trade Deals Details Projections for American Firms. // The New York Times. 2020. Jan 14. <http://nyti.ms/2u3pGnW>
8. Griswold D. Assessing President Trump's Trade Priorities // CATO Journal. Winter 2019. P. 2, 4. <https://www.cato.org/cato-journal/winter-2019/assessing-president-trumps-trade-priorities>.
9. Scott R.E. The failure of Trump's trade and manufacturing policy. Economic Policy Institute Working Economics Blog. 2018. Dec 21. P. 5, 6. <http://www.epi.org/blog/the-failure-of-trumps-trade-and-manufacturing-policy/>
10. Higgott R. From trade diplomacy to economic war fore: the international economic policy of the Trump Administration Working Paper 10/2019, 31 May 2019. www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/bf748739-72ef-4ed1-9567-c79497b6596c/wp10-2019-Higgott-from-trade-diplomacy-to-administration.pdf?
11. Soergel A. The Unintended Consequences of Trump's Tariffs // US News&World Report. 2019. March 7. <http://www.usnews.com/news/economy/articles/2019-03-07/the-unintended-consequences-of-trumps-tariffs>
12. O'Kane S. Donald Trump's war on cars is pushing the US closer to a recession // The Verge. 2019. June 1. P. 2. <http://www.theverge.com/2019/6/1/18647215/donald-trump-mexico-tariffs-cars-recession-jobs>